

УДК 94(100)“1914/19” + 341.34 + 94(470.54)

Н. В. Суржикова

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БОГОСЛОВСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ: СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИКА*

Рассматривается такое многоаспектное явление, как пребывание военнопленных Первой мировой войны на предприятиях Богословского горного округа. Основное внимание уделяется статистике и экономике плена. Анализируется опыт приема, размещения, обеспечения и трудового использования вражеских военнослужащих, институты и практики плена, которые во многом зависели от местных условий, конфигурируясь под их воздействием самым причудливым образом.

Ключевые слова: военнопленные; Первая мировая война; Богословский горный округ; статистика; экономика.

Освоенная советскими историками лишь с одной стороны тема военнопленных I Мировой войны в России¹ получила новое звучание относительно недавно и не может похвастаться богатой историографической традицией. Вместе с тем вектор ее актуального развития вполне различим. Наперекор авторитетному мнению Р. Нахтигалья, убежденного в том, что локально-исторические исследования темы являются малопродуктивными [см.: Nachtigal], интегрирующим фактором для современных изысканий по истории российского плена начала XX в. является «провинциализация» научного поиска, обнаруживающаяся в очевидном доминировании среди работ отечественных авторов регионально ориентированных исследований. При этом все они однотипны и предлагают ставший традиционным набор фактов, кочующих из одного издания в другое, что, казалось бы, доказывает однородность темы плена, ее безальтернативность. Но является ли эта тема столь однозначной? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, требует прежде всего смены масштабов научного поиска, и в частности обращения к микроисследованиям темы. Едва ли кто-то будет спорить с тем, что именно они со своим последовательным, можно сказать — радикальным, эмпиризмом иммунизируют представления о прошлом от поверхностных генерализаций. Действительно, изучение отдельных контекстов плена с последующей корреляцией масштабов (скажем, локального с другим локальным, локального с региональным или локального с общенациональным) позволяет увидеть не только его общие, эмблематичные характеристики, но и то, что является по отношению к ним фоном, периферией. В свою очередь, побочное и предельно частное, оставшиеся на этой самой периферии, при их обстоятельном обследовании демонстрируют свойство самым неожиданным образом влиять на казавшиеся универсальными институты и практики плена.

Тот факт, что условия труда и быта вражеских военнослужащих определялись не столько диктуемой сверху логикой их унификации, сколько местными

* Публикуется при поддержке гранта РГНФ, проект № 11-11-66-007а/У.

¹ Речь идет о чрезвычайно популярных в СССР исследованиях так называемого интернационального движения.

особенностями, признавался даже «архитекторами» этих структур. «Опыт применения труда военнопленных на различных работах выяснил крайнее разнообразие постановки этого дела в различных местностях Империи» — гласил циркуляр Министерства торговли и промышленности от 27 июня 1916 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 19–20]. Время показало, что ни этот документ, ни его многочисленные аналоги, нацеленные на наведение в деле администрирования труда пленных и их жизнеобеспечения хотя бы относительного порядка, ситуации не изменили. «Учрежденные общие правила содержания военнопленных на работах, кои своевременно преподаны были на места для руководства ими, на самом деле исполняются работодателями чрезвычайно разнообразно», — не без некоторого уныния констатировал 17 октября 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа [Там же, л. 124].

То, что пространство российского плена конфигурировалось самым причудливым образом прежде всего в зависимости от рисунка социально-экономических отношений на местах, экспонируют документы, связанные с историей Богословского горного округа. Они, в частности, показывают, как с течением времени в округе сформировалось особое отношение к пленным, а потому явления типические могли здесь мирно уживаться с явлениями, из ряда вон выходящими или по крайней мере единичными для российского плена вообще. В немалой степени этому способствовало то, что Богословский горный округ сам по себе был предприятием исключительным. Его владения объединяли Богословскую железную дорогу, несколько лесничеств, рудников и заводов, причем не только на Урале, но и на Алтае, образовывавших крупнейший в стране металлургический комплекс. Неудивительно, что после известных событий Октября 1917 г. Богословский горный округ (БГО) был национализирован одним из первых [см.: Буранов, с. 258].

Статистика плена

В деле «приспособления» к своим нуждам вражеских военнопленных Богословский горный округ, занимавший по всем показателям первое место среди уральских горнозаводских предприятий, также оказался пионером. Интерес к ним администрация предприятия проявила уже осенью 1914 г., рассчитывая в ближайшей перспективе «пригласить» на работы округа 2 620 военнопленных. Правда, ни в конце 1914 г., ни в начале 1915 г. такого числа пленных округ не получил. Они прибыли сюда, как и на прочие заводы Урала, лишь весной 1915 г. По косвенным данным, к лету 1915 г. в округе трудилось около тысячи вражеских военнослужащих. Именно тогда, с оттоком заметной части рабочих на сельскохозяйственные работы, проблема нехватки трудовых ресурсов стала для округа действительно острой, грозя обернуться 25-процентным сокращением объемов производства. В поисках выхода из этой ситуации ставка была сделана на труд пленных, численность которых всего за месяц увеличилась более чем вдвое, а к середине августа 1915 г. достигла 3,2 тыс. чел., или почти 20 % общего количества рабочих предприятия. К тому времени округ окончательно перешел к работе на оборону, получив 23,5 % общеуральских военных

заказов, что сделалось главным козырем предприятия в борьбе за обладание дефицитной рабочей силой [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1605, л. 157; ф. 50, оп. 2, д. 2892, л. 271; ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 592, л. 7, 16; и др.].

Предусмотрительно обозначив свои претензии еще на 4 495 человек, администрация БГО к середине октября 1915 г. располагала уже 6 927 военнопленными, которые составляли теперь более 38 % всех работников. Совсем скоро выяснилось, что и это не было пределом. 21 октября 1915 г. управляющий БГО С. С. Постников сообщал окружному инженеру Североверхотурского округа: «По своему географическому положению округ является одним из самых северных и не имеет местного населения... Ввиду общей недостаточности рабочих в настоящее время недостающих пришлось заменить пленными, которых работает в округе до 9000 человек» [ГАСО, ф. 50, оп. 2, д. 2892, л. 495; ф. 123, оп. 1, д. 1, л. 30—30 об., 367—367 об.; ГАПК, ф. 65, оп. 5, д. 140а, л. 413.].

В следующем (1916) году руководство БГО надеялось получить в свое распоряжение еще как минимум 5 тыс. пленных. По сводке, предоставленной в ответ на запрос Уральского областного военно-промышленного комитета, уже к 1 февраля 1916 г. в округе работало 10 985 пленных. В течение месяца администрация предприятия дважды потребовала от отделов и больниц округа «сохранить на работах по возможности все наличное число военнопленных» [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 3174, л. 17 об.; ф. 45, оп. 1, д. 222, л. 10]. Надо сказать, что сохраняли его всеми правдами и неправдами, в том числе и посредством нарушения закона. С выходом в начале 1916 г. «категорического распоряжения» пермского губернатора о снятии с заводских работ всех военнопленных германцев, которые считались неблагонадежными и потенциально опасными, администрация БГО не только не приняла соответствующих мер, но еще и отписала в Пермь следующее: «Причиной такого риска является необходимость выполнить заказы на оборону, в исполнении которых пленные принимают участие в 35 % общего числа рабочих, привлеченных к этому делу». Без внимания в округе оставили и принятое летом 1916 г. решение специального совещания о допуске немцев в горячие цеха только при условии их назначения в дневные смены и при усиленной охране, отделившись заявлением о том, что охрана пленных слишком дорога, а ночные смены неизбежны [Там же, ф. 181, оп. 1, д. 1, л. 80; ф. 183, оп. 1, д. 71, л. 176, 331—333]. В результате в течение года округу удалось не только сберечь, но и существенно приумножить ряды «своих» военнопленных. По сведениям на 1 октября 1916 г. среди 34 404 рабочих БГО бывших вражеских военнослужащих насчитывалось 15 610 чел., или 45,3 % общего числа занятых в округе. К концу 1916 г. 16,8 тыс. пленных иностранцев и 4 тыс. китайцев и корейцев относились к местным рабочим округа как 2 : 1, поставив таким образом своего рода рекорд [см.: Там же, ф. 123, оп. 1, д. 3, л. 446; Ведомость о количестве рабочих, с. 18—24].

В январе — феврале 1917 г. в округ прибыло еще 1 785 военнопленных, но такая динамика окружное начальство категорически не устраивала [см.: Там же, ф. 45, оп. 1, д. 1044, л. 68—69 об.; д. 1100, л. 29—31; 34—41]. «В настоящее время число русских рабочих на рубке дров сократилось на 9/10, между тем потребность в древесном топливе, вследствие усиленных заказов на металл

для нужд обороны, все возрастает», — констатировала администрация округа в начале 1917 г., требуя присылки еще 4 тыс. пленных для заготовки дров, необходимых местным заводам в 1918—1919 гг. [ГАСО, ф. 111, оп. 1, д. 20, л. 31, 32, 77]. Вместо четырех тысяч 23 мая 1917 г. округ получил одну тысячу пленных, которые к тому времени превратились в труднодоступный дефицит, «добывавшийся» не иначе как с боем [Там же, д. 44, л. 4—4 об.]. В захватившей промышленников и аграриев «битве за пленных» управление БГО было готово отстаивать каждого. Когда в начале февраля 1917 г. пермский губернатор распорядился передать на сельскохозяйственные работы всех военнопленных, находившихся в услужении у частных лиц в качестве кучеров, дворников, шоферов, приказчиков и пр., в Надеждинске на это отреагировали весьма своеобразно, предложив «...служащим, к которым откомандированы пленные для исполнения обязанностей кучеров, дворников и т. д., наблюдать за тем, чтобы пленные бесцельно не отлучались из дому, по населенным местам не гуляли и не нарушали общего порядка» [Там же, ф. 45, оп. 1, д. 323, л. 77; Отобрание пленных, с. 3]. При этом как весной, так и осенью 1917 г. на мольбы местного земства «поделиться» пленными окружное начальство ответило вежливым отказом, уступив всего 279 человек, не пригодных к работам округа по состоянию здоровья. В то же время всевозможные препятствия умышленно чинились пленным славянам, пожелавшим вступить в национальные части, что вызвало праведный гнев со стороны военных властей [см.: Там же, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 67—68, 71—71 об.; ф. 45, оп. 1, д. 1102, л. 91; ф. 435, оп. 1, д. 2065, л. 27, 72].

Несмотря на все усилия, к осени 1917 г. численность занятых на работах округа пленных несколько сократилась. На 9 сентября 1917 г. в лесничествах БГО их трудилось 5 856 чел., на заводах (Надеждинском, Сосьвинском, Богословском и Химическом) — 5 450, на рудниках (Васильевском, Флоровском, Воронцовском, Самском, Покровском и Ауэрбаховском), в каменоломне и «разведочном цехе» — 2 812, в Богословской и Алтайских каменноугольных копях — 791, в экспедиции, магазине, конторе и больнице — 480. Всего — 15 389 человек. Однако сокращение статистики занятых в различных «отделах» БГО пленных необратимым не стало: 4 и 21 октября в округ прибыло 486 военнопленных из Екатеринбурга, 12 октября — 559 из Пензы, 19-го — 49 из Челябинска, 24-го — 15 из Казани; итого — 1 109 человек, восполнивших понесенные ранее «потери» [см.: Там же, ф. 45, оп. 1, д. 1103, л. 13—13 об.; ф. 50, оп. 2, д. 3184, л. 322—324].

К концу 1917 г. для большинства предприятий края иностранные рабочие превратились в обузу, поскольку их было попросту нечем кормить. Богословский горный округ не стал исключением, что, однако, не привело к снятию военнопленных с работ. Советская администрация придерживалась того же курса, оставив без внимания тот факт, что к апрелю 1918 г. пребывавшие в округе пленные ели собак и, хронически голодая, жестоко страдали от различных заболеваний. Более 3 тыс. человек болели цингой, что привлекло к себе внимание областного отдела военнопленных [см.: К положению военнопленных, с. 3]. В мае 1918 г. в округ приехала комиссия шведского Красного Креста, чтобы в течение трех дней снять всех вражеских военнослужащих с работ бывшего

Богословского горнозаводского общества. Такого поворота событий здесь совсем не ждали. Отстаивая свое право на пленных, председатели делового совета предприятия Злоказов и центросовета Заславский взывали к управлению национальными заводами Урала: «Эта мера введет дезорганизацию производства, возможна остановка цехов, прекращение сплава. Шлите срочные указания. Первый поезд [с] военнопленными уходит двадцать пятого [июня]» [ГАСО, ф. 24, оп. 26, д. 43, л. 170].

Услышан был этот крик отчаяния или нет, но утопическому плану эвакуации пленных в трехдневный срок сбыться не было суждено. Та же судьба постигла и впопыхах разработанный деловым советом и комиссаром по делам военнопленных Уральской области С. Симашко двухнедельный график, о чем свидетельствуют материалы дальнейшей деятельности предприятия. Известно, в частности, что в канун занятия богословского Урала «белыми» (в середине июля 1918 г.) 464 военнопленных продолжали трудиться на рудниках округа, в угольных копиях и каменоломне [см.: Там же, л. 171, 184, 205]. Их отправка на родину, по подсчетам конторы рудников и разведок, означала бы почти двукратное сокращение производства: «Богословская каменоломня: теперешняя добыча и отправка известнякового камня равняется 4–5 тыс. пуд., с отъездом военнопленных добыча должна быть остановлена, и можно только поддерживать отpravку в количестве 2–3 тыс. пуд. за счет имеющихся запасов в течение месяца. Ауэрбаховский рудник: при недостатке рабочих, имея в распоряжении военнопленных, добывается ежедневно от 15 до 20 тыс. пуд. руды и отправляется от 20 до 25 тыс. пуд. за счет прежних запасов, с эвакуацией военнопленных будет добываться максимум 7 тыс. пуд. и отправляться максимум 15 тыс. пуд. Покровский рудник: отправляет руды ежедневно от 5 до 20 тыс. пуд., а с отъездом военнопленных будет отправляться от 5 до 15 тыс. пуд.» [Там же, оп. 23, д. 43, л. 184].

Вопрос о репатриации пленных встал снова после завершения на Северном Урале Гражданской войны, о чем свидетельствует телефонограмма коллегии по управлению БГО № 222 от 16 августа 1919 г. К тому времени еще остававшиеся на территории округа пленные так или иначе устроили свою жизнь, причем некоторые весьма неплохо. Венгр Федор Гинтерляйтер, к примеру, фармацевт по образованию, управлял аптекой Сосьвинского завода и возвращаться в родное отечество не спешил [см.: Там же, ф. 511-р, оп. 1, д. 200, л. 193; д. 202, л. 5–6]. Сколько пленных отказалось от репатриации, губернские власти решили выяснить в середине 1922 г., обратившись в Верхотурский уездный отдел управления с письмом следующего содержания: «По имеющимся сведениям в пределах Надеждинских заводов работают лица иностранной национальности, каковые на учете в Губотуправе не состоят и иностранных видов на жительство не получали. Находя необходимым вышеуказанное, Губотуправ предлагает в срочном порядке выяснить, состоят ли на работах в вышеуказанных заводах лица иностранного происхождения, и установить, имеют ли таковые национальные документы» [Там же, ф. 511-р, оп. 1, д. 358, л. 526].

Как соотносились между собой статистика уехавших и статистика оставшихся военнопленных, угадать не трудно. Несмотря на отсутствие строгих цифр,

можно уверенно утверждать, что подавляющая часть пленнх «империалистической войны» предпочла уехать домой, покинув чужбину без особого сожаления. Оставили ли они в истории края сколько-нибудь заметный след? Позволю себе предположить, что не оставить его они просто не могли. Исходя из общей статистики уральского плена, можно констатировать, что Богословский горный округ поглотил почти четверть всех военнопленных, присланных на Урал². Концентрация такого значительного числа вражеских военнослужащих неминуемо превратила их в чувствительный раздражитель, опасный для уже сложившихся в локальном сообществе систем взаимодействий и противодействий, контактов и контрактов, которые теперь подверглись существенным перестройкам и коррекциям.

Экономика плена: администрирование и потребление

В конце 1914 г. никто, конечно, не предполагал, что формирование в структурах окружного хозяйства сектора принудительного труда потребует привлечения столь значительных административных, материальных и человеческих ресурсов. Выяснилось, что даже нехитрая процедура «испрошения» пленнх, далеко не всегда приводившая к искомому результату, отнимала немало времени, сил и средств. Приемка и доставка пленнх в округ также оказались занятиями хлопотными и затратными. Прибывавших на ст. Надеждинский Завод необходимо было предварительно осмотреть и «рассортировать» по отделам округа, что легло дополнительным грузом на плечи агента главного лесничества И. В. Графова. Затем пленнх нужно было где-то разместить. Строить для них новые бараки было некогда, да к тому же неоправданно дорого. Администрация округа закономерно выбрала путь наименьшего сопротивления, расквартировав вражеских военнослужащих по пустовавшим за мобилизацией местных рабочих казармам или по домам, снятым у местных домовладельцев: А. Шипицыной, Л. Коробейниковой, М. Баженова, А. Постовалова, И. Казанцева, А. Самоуковой, Г. и М. Пажевых... [см.: ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 228, л. 23; д. 1095, л. 122, 126–130].

Когда численность пленнх в округе превысила тысячу человек, назрела необходимость их особого учета, который и был введен 3 июня 1915 г. [Там же, л. 57]. Практически одновременно были отпечатаны специальные карточки для регистрации пленнх и их грядущих перемещений в пределах округа³, а также бланки для еженедельного учета больных и умерших. Кроме того, требовалось упорядочить еще и возвращение пленнх верхотурскому уездному воинскому начальнику, что и было сделано: больные и отработавшие в месяц менее 18 смен передавались округом военным властям через полицию Надеждинского завода один раз в неделю сначала исключительно по пятницам, затем — по четвергам.

² По имеющимся данным своего максимума численность пленнх на Урале достигла в первой половине 1917 г., преодолев планку в 70 тыс. человек [см.: Систематический свод, с. 120].

³ В общероссийских масштабах карточная система регистрации пленнх была введена только в августе 1917 г. [ГАПК, ф. 146, оп. 1, д. 94, л. 689].

Руководство этим предприятием было возложено на заведующего дворово-ремонтным цехом Надеждинского завода И. Е. Боброва [см.: ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 228, л. 17, 20, 21; д. 221, л. 16; д. 222, л. 9].

Однако все эти заботы были «цветочками» в сравнении с тем, что ожидало руководство округа по прибытии пленных иностранцев к местам работ. Очень скоро выяснилось, что для организации труда и быта пленных вражеских солдат изданных центральными и региональными властями распоряжений явно недостаточно. С целью повышения управляемости все возрастающей армии подневольных работников администрации округа пришлось разработать целый пакет документов, которые не только конкретизировали уже принятые регламенты, но и учитывали местную специфику. Так, к изданному 21 февраля 1915 г. обязательному постановлению пермского губернатора «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия для жителей Пермской губернии» и введенным в действие по всей империи 17 марта 1915 г. «Правилам об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» в округе присовокупили свои установления, которые, в частности, предусматривали следующее: «1. Отлучаться в свободное от работ время пленные могут только с ведома и разрешения их начальства отдела округа. 2. Посещения спектаклей, кинематографов, всякого рода увеселительных мест, ресторанов, гостиниц и частных квартир русских подданных не разрешается. 3. Выход из квартир в Надеждинском заводе, Турьинских рудниках и Богословске разрешается только в сопровождении сторожей и группами» [Там же, д. 228, л. 29]⁴. Вслед за этим циркуляром, подписанным управляющим округа С. С. Постниковым 2 июня 1915 г., последовали многие другие. Их приумножение не являлось процессом сугубо механическим, а прежде всего отражало усложнение рисунка плена как такового и вызванных им реакций. Вместе с тем стремительное «обюрокращивание» плена, превращение его в сферу кипучего «бумагооборота» обнажало еще и недостаточную эффективность принимаемых управленческих решений и тех механизмов, которые создавались для их реализации, вынуждая окружную администрацию снова и снова обращаться к проблеме военнопленных. Справляться с ними удавалось далеко не всегда, о чем свидетельствует, например, следующий документ: «Во избежание наблюдающихся за последнее время случаев массового передвижения иностранных рабочих и пленных из одного завода, отдела или цеха в другой без всяких провожатых и каких-либо документов, обращается внимание г. г. заведующих отделами, что всякий переход иностранных рабочих и пленных из одного завода, отдела или цеха в другой может быть только с разрешения управляющего округом и каждый раз с проводниками» [Там же, д. 1101, л. 6].

Пресечение нелегальных «миграций» пленных, а также их надежная охрана стали для округа неожиданно сложными задачами. Количество проводников,

⁴ Свои ориентированные на местные условия правила содержания пленных были выработаны и другими предприятиями края. См., например, Инструкцию об использовании военнопленных на предприятиях Камско-Воткинского горного округа от 31 июля 1915 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 3174, л. 90–91].

сторожей, десятников и прочих работников, специально нанятых для обслуживания пленных, день ото дня росло. Как результат к 1918 г. только на одном Надеждинском заводе к охране пленных было привлечено порядка 100 чел., месячный оклад жалованья каждого из которых составлял 45 рублей (30 из них было отнесено на счет военнопленных, 15 — на счет округа) [см.: ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 6 об.; д. 1095, л. 51; ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 1]. Однако громоздкий аппарат, созданный для «окараулирования» и конвоирования вражеских военнослужащих, не гарантировал действия тех режимных ограничений, которые были «предложены» военнопленным. Более того, он требовал к себе постоянного внимания окружного начальства, периодически притязая на более комфортное жилье, улучшение питания или повышение заработной платы. Дифференцированный подход к разрешению этих вопросов, выразившийся в их перекладывании на плечи лесничеств, рудников и заводов⁵, своих плодов не приносил. Раненые и бежавшие из плена нижние чины русской армии, — а именно их рекомендовалось использовать в качестве стражи для пленных иностранцев [см. об этом: Там же, д. 221, л. 19; ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 125 об.], — стремились домой, к своим семьям, а не в разбросанные по лесам и горам Северного Урала казармы. А потому округ, не имевший никакой власти над отпущенными военным ведомством солдатами (скажем, Степаном Старковым и Иваном Томиловым, отказавшимися охранять пленных и самовольно оставившими Самский рудник 24 августа 1917 г.), как правило, был вынужден довольствоваться местными «кадрами», «не соответствующими своему назначению и непригодными для надзора, а тем более для воздействия на пленных при каких-либо недоразумениях» [Там же, д. 293, л. 21; д. 272, л. 5 об.].

Неприятным открытием для округа стало еще и то, что пленные присылались в его распоряжение «весьма болезненными». К примеру, из отправленных из Ташкента 4 тыс. чел. 400 чел. по болезни просто не доехало, в то время как несколько тысяч пленных прибыли в округ из Перемышля с зачатками цинги и уже развившейся болезнью. По состоянию на 1 мая 1915 г. цингию в округе болело 297 вражеских военнослужащих, или каждый третий, что заставило администрацию спешно организовать медицинскую службу для пленных. Для этого были затребованы 2 австрийских врача и 5 фельдшеров, в помощь которым впоследствии прибыло еще столько же. До конца года, несмотря на привлечение земских медиков — фельдшера И. Ф. Куркиной и сестер милосердия К. И. Литвиновой и О. А. Введенской, справиться с «громдным числом больных» так и не удалось [см. об этом: Там же, д. 1041, л. 1–2 об.; ГАПК, ф. 214, оп. 1, д. 16, л. 62; Движение эпидемического персонала, с. 448–449].

Дело было не только и не столько в том, что военные власти со временем отказались принимать больных пленных, сданных ранее на работы, возложив тем самым практически все тяготы их медицинского обслуживания

⁵ См. Инструкцию сторожам при военнопленных, находящимся на работах горного дела БГО, от августа 1917 г. [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 293, л. 8–9].

на предприятия⁶. Суть проблемы крылась, скорее, в формальном отношении администрации округа к оздоровлению иностранных рабочих, которое всегда оставалось вопросом прежде всего финансовым. Так, 18 ноября 1915 г. заведующий лесными работами округа поставил на вид материальному главному лесничеству следующее: «Лично мною Вам было преуказано, что из вышедших из больницы военнопленных содержаться за счет лесничества [могут] лишь имеющие медицинскую записку о необходимости для них отдыха для восстановления сил и не более указанного в записке числа дней, а остальные должны быть использованы на той или другой работе. Ежедневной стоимостью содержания одного военнопленного Вами было признано вполне достаточным 40 коп. ...В представленном же Вами счете от 17 ноября помещены такие военнопленные, в записках которых нет указания о необходимости отдыха и, следовательно, не имеющие права на содержание за счет лесничества, некоторые же имели это право на меньшее число дней, чем значится в Вашем счете, причем стоимость содержания вместо 40 коп. Вами поставлена в счете 50 коп. Такой счет не может быть оплачен, поэтому предлагаю Вам прислать мне новый счет, составленный исходя из 40 коп. ежедневного содержания, поместив в нем только имеющих право на содержание за счет лесничества военнопленных и приложив к счету их медицинские записки» [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 228, л. 4—4 об.].

Дискуссия продолжилась на совещании, состоявшемся 8 марта 1916 г. в главном лесничестве округа. Собравшиеся, признав, что высокой заболеваемости пленных способствует не только их длительная транспортировка на Северный Урал, но и неблагоприятные условия труда, вынуждены были констатировать факт явной недостаточности наличных медицинских сил, а вместе с ним и необходимости дополнительных вложений в устройство медицинской службы, требующихся для оборудования казарм военнопленных котлами для кипячения воды, подготовки специальных барачков для цинготных больных, оборудования в районах куренных работ «вполне благоустроенных» бань взамен зырянских черных бань, привлечения фельдшеров в неблагополучные Петропавловское, Филькинское, Марсятское и Турьинское лесничества, «так как в противном случае на пересылку пленных в госпитали Богословска и Надеждинска теряется много времени и это стоит значительных денег. В Богословском лесничестве, куда поступают по выходе из Богословской больницы все военнопленные других лесничеств, также необходимо усилить медицинский персонал одним фельдшером для южной и юго-западной части дачи, откуда летняя доставка заболевших пленных в завод будет очень затруднительна... Для отпуска потребного на это кредита предложено представить в ближайшем времени соответствующие сметы» [Там же, д. 272, л. 7 об.—8]. Какие суммы фигурировали в соответствующих документах, сказать затруднительно, что, однако, не мешает выразить уверенность в накладности медицинского обслуживания пленных иностранцев. При этом очевидно, что в условиях, когда «упорная борьба

⁶ Военные власти принимали от работодателей только хронически и психически больных военнопленных [см. подробнее: ГАПК, ф. 146, оп. 1, д. 94, л. 173, 231; ГАСО, ф. 123, оп. 1, д. 75, л. 3; ф. 55, оп. 1, д. 982, л. 69].

с болезнями» шла параллельно с борьбой за минимизацию расходов, первая могла быть лишь относительно успешной.

В поисках виновных в высокой заболеваемости пленных губернская администрация инициировала специальную проверку, попутно выразив свое неудовольствие излишней свободой пленных и неоправданно высокими затратами округа на их пропитание. Особенно дорогим показалось довольствие пленных, отправленных на рубку дров, предполагавшее ежедневный отпуск каждому рубщику 1,5 фунта (600 г) белого и столько же черного хлеба стоимостью 18 коп., 0,5 фунта (200 г) мяса (10 коп.), а также чая (1 коп.), сахара (2 коп.), масла (3 коп.), разных круп (4 коп.) и приварки (перца, лука, капусты и пр., 2 коп.), всего на сумму 40 коп. [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 6]. В сравнении с 14 копейками, положенными солдатам русской армии, это было действительно многовато. Однако при этом явно не учитывались ни декларативность действовавших норм [см. об этом: Там же, л. 10], ни инфляция и порожденные ею дороговизна и дефицит продуктов, ни тот факт, что плата за пропитание относилась округом на счет пленных как составная часть расходов по содержанию. Жалованье кашеварам (18 рублей в месяц готовившим на артель свыше 30 чел. и 15 рублей в месяц — на артель менее 30 чел.) также выплачивалось не из окружной казны, а складывалось посредством вычета из ежедневного заработка каждого пленного двух копеек. Тем не менее было бы большим заблуждением полагать, что организация довольствия пленных обходилась обществу «дешево и сердито». Справиться с заготовкой «съестных припасов» на такую орарву округу так и не удалось. Не преуспела его материальная служба и в их своевременной доставке, в результате чего «в некоторых пунктах наблюдались весьма острые недостатки в продуктах первой необходимости, а в особенно удаленных пунктах дело доходило почти до голодов» [Там же]. Промучившись около года, администрация БГО в конце концов отдала закуп продуктов, а вместе с ним и приготовление пищи в руки самих пленным. Кроме того, к середине 1916 г. в целом ряде отделов БГО пришлось организовать и содержать собственные хлебопекарни, поскольку местная «стряпня» не отличалась должным качеством. В августе 1916 г. рыночная конъюнктура снова заставила окружное руководство проявить расточительность: пленным иностранцам было разрешено приобретать продукты по льготным, убыточным для округа ценам наравне с русскими рабочими. Через год «из-за создавшихся тяжелых условий получения продуктов» проблема пропитания превратилась едва ли не в главную и в дальнейшем лишь усугублялась. И если раньше округ не был готов к ее оперативному решению, то теперь для этого просто не было никаких возможностей [см.: Там же, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 71—71 об.; ф. 45, оп. 1, д. 1041, л. 1 об.].

Округ оказался совершенно не готов и к проблеме обмундирования пленных. Вроде бы, как и в вопросе с продовольствием, оно не предполагало никаких затрат: на работы пленные должны были сдаваться военным ведомством полностью обмундированными, в то время как дальнейшее обновление гардероба вражеских военнослужащих предписывалось производить за счет их заработка. Но не тут-то было. Уже первые партии пленных прибыли в округ «в неисправной ветхой одежде. Многие были без белья, в рваной обуви» [Там же, ф. 45, оп. 1,

д. 1041, л. 1–2]. Для починки амуниции пришлось заводить специальные мастерские, ежемесячно взимая с пленных за производство этих работ по 40 копеек [см.: Там же, д. 272, л. 6]. Однако ремонт белья, одежды и обуви оказался затеей малопродуктивной, вполне оправдывая известную русскую поговорку про леченую кобылу. В поисках пригодного для носки «платья» агенты округа сбились с ног. При этом все то, что им удавалось «раздобыть», не отличалось надлежащим качеством. «Особенно плохи были пимы, которые во многих случаях выдавались пленным в период зимы в количестве двух, трех и даже четырех пар. Много одежды было получено малых размеров, но по необходимости пленные должны были получать это и погашать их стоимость из своего скудного заработка», — констатировали лесничие БГО в марте 1916 г. [ГАСО, ф. 435, оп. 1, д. 2065, л. 112 об.].

Мириться с таким положением вещей администрация общества не хотела, периодически призывая военные власти к заведенному ими же порядку. К примеру, осенью 1916 г. руководство округа обратилось в штаб Иркутского военного округа с такой вполне законной просьбой: «Настоящим управление округом имеет честь уведомить, что прибывшие в августе с[его] г[ода] на работы в БГО в[оенно]п[ленные] в числе 4440 человек по назначению Штаба Иркутского в[оенного] о[круга] не были снабжены следующими предметами:

Партии из	Шинелями	Сапогами	Переменной белья	Партии из	Шинелями	Сапогами	Переменной белья
Шуи	40	43	89	Ковеля	1		1
Сретенска ⁷	1	356	164	Киева			1
Нижнего Новгорода	5	14	23	Кашина	6	7	8
Починки	15	60	56	Трой-Козовки	1	2	4
Канска	14	22	16	Паской	1		1
Красноярска	113	99	57	Березовки		8	5
Лукоянова	53	20	87	Иваново-Вознесенска	3	10	22
Бишанска		1	1	Ачинска		1	
Тамбова		1	2	Риги			4
Даурия		2	5	Ташкента		1	1
Сопок-Вольни		1	1	Верхне-Удинска	1	46	35
Москвы	34	46	46	Каинска	87	16	
Шатина			1	Всего	375	756	631
Вологодска			1				

Ввиду изложенного управление округом имеет честь просить штаб округа сделать распоряжение о присылке недостающих поименованных предметов для снабжения военнопленных» [Там же, ф. 45, оп. 1, д. 1041, л. 9–9 об.].

⁷ Здесь и далее название населенных пунктов, как и вся таблица, приводятся точно по документу.

Вероятнее всего, вежливое обращение администрации БГО встретило вежливый же отказ, не исключено, что молчаливый. А пленные между тем продолжали прибывать в округ полураздетыми и полуразутыми. 27 января 1917 г. до Надеждинского завода добралось 68 военнопленных из Солигалича, «и при них шуб восемь, пиджаков шестнадцать, шинелей сорок три, мундиров шестьдесят семь, шаровар шестьдесят восемь, фуражек шестьдесят восемь, сапогов или ботинок сорок девять, пимов две пары, рубах шестьдесят восемь, кальсон шестьдесят восемь, полупальто два, лаптей семнадцать, портянок четыре пары. У всех не имеется сменного белья. Из обуви, а также как из верхнего, так и нижнего платья и белья многое в плохом и изношенном виде» [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 1100, л. 32–33]. Некоторые вообще были босыми и, как результат, обмороженными.

То, что прибывших в округ пленных, как правило, приходилось одевать с головы до ног, имело свои печальные последствия. Пленные иностранцы превращались в безнадежных должников округа, не успев приступить к какой бы то ни было работе. К середине 1916 г. в среднем на каждого из них приходилось более 30 рублей долга, в то время как по округу сумма их совокупного обременения достигла полумиллиона рублей [см.: Там же, д. 1041, л. 1–2]. При том те несчастные, которые по тем или иным причинам, и прежде всего по состоянию здоровья, не могли выходить на работу каждый день, имели в своем пассиве более 100 рублей. Так, военнопленный Антон Янек к концу 1916 г. задолжал округу 106,59 рубля, Иван Турда — 113,63 рубля, Франц Дуж — 126,71 рубля, Иозеф Пуц — 134,84 рубля, Франц Петер — 144,15 рубля, а Томаш Иван и вовсе 159,28 рубля [Там же, д. 1006, л. 129 об., 131 об., 139 об., 148 об., 151 об.].

Такая ситуация не устраивала ни военнопленных, ни окружное начальство, которое изменить ситуацию в лучшую сторону так и не смогло. Во избежание скапливания за пленными непосильных долгов управляющий округом еще в июне 1916 г. подписал циркуляр, гласивший: «Военнопленные должны быть снабжены на зиму за их счет теплым платьем. Предполагается заготовить на каждого стеганые пиджаки, такие же брюки, теплые шапки, пимы и погашать их стоимость равномерными удержаниями со времени выдачи по 1/5 заработка в месяц. Пленные, желающие получить полушубки, должны о том заявить теперь же, и получают их только те, кто на них запишутся и изъявят согласие производить за них удержание начиная с конца августа по 3 р[убля] 50 к[опеек] до полной оплаты» [Там же, д. 222, л. 13]. Но реальность, выражавшаяся в выдаче пленным только непригодного для армии, т. е. некачественного и быстро выходящего из строя, обмундирования, поставила жирный крест на расчетливых планах окружной администрации. Ее новое распоряжение, в соответствии с которым в погашение долга из заработка пленных вычиталась «1/3 избытка сверх 60 копеек», исправить положение не помогло, почему округ продолжал одевать и обувать большую часть своих иностранных работников «в кредит» [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 1041, л. 1 об.]⁸.

⁸ Помимо БГО, «кредит» военнопленным открыли такие предприятия, как общество Верхотурских горных заводов, Нижнетагильский и Луныевский округа, Кыштымские горные заводы и мн. др. [см.: ГАСО, ф. 47, оп. 1, д. 1192; ф. 72, оп. 2, д. 813; ф. 643, оп. 4, д. 343; и др.].

При этом в округе считали, что задолженность пленных есть не что иное, как прямое следствие взимания с пленных солидных отчислений в так называемый особый фонд [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 219]. Действительно, осуществлявшиеся вплоть до мая 1916 г. переводы в доход казны сначала трети, а затем четверти заработка военнопленных заметно ограничивали свободу округа в производимых с ними расчетах. Однако долгожданная отмена непопулярного среди предпринимателей решения правительства внесла в окружную бухгалтерию отнюдь не такие серьезные коррективы, как ожидалось (табл. 1–3). Число должников и средняя задолженность пленных перед предприятиями округа начали сокращаться, но назвать темпы их сокращения стремительными означало бы погрешить против правды: в течение года первый показатель снизился только на 23,6 %, а второй — всего на 8,8 %.

Очевидно, что вмешательство правительства в «товарно-денежные отношения» между пленными иностранцами и предприятиями не являлось главным препятствием в реализации их более оптимистичного сценария. Сокращаясь весной — летом и подрастая осенью — зимой, задолженность пленных перед округом стала явлением стационарным, характеризуя изъяны системы администрирования и обеспечения отвоёванных военнопленных противника в целом, а не ее отдельных звеньев. Очевидно, что изначально затратоемкая организация труда и быта пленных иностранцев, практически полностью отданная властями на откуп частным предприятиям, ожидаемо превратилась в сферу не поддающихся проверке математических операций. Долги пленных, в структуре которых, кроме платы за постой, охрану, содержание и обеспечение, как это ни парадоксально, фигурировали также плата за перемещения внутри округа, стоимость «потребных рабочих инструментов» и пр., обнаруживали со всей откровенностью тот факт, что тратиться на иностранных работников общество попросту не хотело. Выходило, что, вынужденно принимая на свой счет большинство издержек по содержанию и обеспечению, военнопленные были должны округу за возможность своего же трудоустройства. Стоит ли удивляться, что самоотверженно трудиться они не желали?

Производство и трудовые отношения

Для руководства Богословского горного округа антирекорды производительности труда военнопленных стали неприятным сюрпризом, который не заставил себя ждать. Уже 4 июля 1915 г. заведующий доменным цехом Надеждинского завода сообщил директору завода барону Е. А. Таубе: «При сдельных работах военнопленные зарабатывают значительно меньше русских. Так, при выгрузке руды из вагонов военнопленный разгружает в два-три раза меньше русского, причем в столько же раз уменьшается его заработок по сравнению с заработком русского»; «При поденных работах военнопленные работают гораздо медленнее русских, что вызывается отчасти отсутствием того старания, которое замечается у русских. Приходится ставить лишних, вместо 12 русских на откатке чугуна, например, приходилось 14–16 австрийцев» [Там же, д. 245, л. 219–219 об.].

Таблица 1

Число должников и средняя задолженность пленных перед отделами округа по состоянию на 1 января 1916 и 1917 гг.*

Отдел округа**	Всего пленных/в том числе должников, чел.		Процент должников, %		Максимальный долг, р.		Долг в среднем на одного пленного, р.		Динамика средней задолженности, ± р.
	на 01.01.1916	на 01.01.1917	на 01.01.1916	на 01.01.1917	на 01.01.1916	на 01.01.1917	на 01.01.1916	на 01.01.1917	
Богословская каменноугольная копь	369/352	643/317	95,4	49,3	60,59	102,55	22,71	13,28	-9,43
Богословский медеплавильный завод	112/112	155/94	100	60,6	144,28	143,01	79,91	23,35	-56,56
Богословская каменоломня	30/28	90/84	93,3	93,3	65,95	119,65	26,37	32,76	+6,4
Васильевский медный рудник	86/80	158/121	93,0	76,5	110,39	189,92	48,83	37,0	-11,83
Никитинский медный рудник	49/49	77/72	100	93,5	91,83	160,13	50,14	81,5	+31,3
Самский железный рудник	185/166	508/452	89,7	88,9	68,84	185,25	23,3	54,37	+31,07
Химический завод	16/15	35/15	93,7	42,9	33,50	87,65	15,6	15,42	-0,18
Центральный магазин БГО	22/22	117/84	100	71,7	81,22	122,28	41,43	23,4	-18,01
<i>Итого</i>	<i>869/824</i>	<i>1783/1239</i>	<i>95,6</i>	<i>72,0</i>			<i>38,53</i>	<i>35,13</i>	<i>-3,4</i>

* Источник: [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 997, л. 22 об. — 32, 101 об. — 121, 209 об. — 213, 214 об. — 230, 313 об. — 329, 444 об. — 498, 719—724, 731—795, 799—854, 935—939, 960 об. — 966; ф. 45, оп. 1, д. 1098, л. 44—144, 147—158, 164 об. — 167, 207—223, 240—253, 258 об. — 269, 271—279, 280—336, 350—369, 400 об. — 410].

** По другим отделам округа сопоставимые данные отсутствуют.

Окружная администрация, сомневавшаяся в продуктивности труда пленных по причине отсутствия у них необходимых знаний и навыков, была обескуражена тем, что корень проблемы оказался совсем в другом: на работу вражеские военнослужащие смотрели как на тяжелую повинность и использовали любую возможность от нее уклониться. Так, австрийцы Карл Рениш и Карл Шемиц 30 ноября 1915 г. наотрез отказались выходить на работу, ссылаясь на то, что продукция Надеждинского завода шла на удовлетворение нужд армии, в то время как статья VI Гаагской конвенции о военнопленных 1907 г. запрещала использовать их на любых производствах, связанных с военными действиями. 10-дневный арест «отказников» должного эффекта не возымел. 9 декабря пленные были возвращены на работы, но уже на следующий день категорически заявили, «что ни на какую работу они не пойдут и что вообще работать они не хотят и не будут» [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 172].

Управление округа ломало голову в раздумьях над тем, как же заставить военнопленных изменить свое отношение к труду. Для борьбы с «саботажниками» в конце мая 1915 г. на предприятиях общества были введены штрафные санкции. За первый пропущенный день провинившийся наказывался 50 коп. штрафа, удерживаемого из его заработка, за второй — 75 коп., за третий — 1 рублем. «Прогульщик», не вышедший на работу четыре дня подряд или более шести дней в месяц в разное время, возвращался в распоряжение местных военных властей [Там же, д. 228, л. 17]. Однако вскоре военное ведомство принимать «уклонистов» отказалось, резонно считая, что их праздное пребывание в лагерях только способствует росту статистики «отказников». Тогда вместо «кнута», точнее, наряду с «кнутом» окружная администрация пустила в ход «пряник».

В начале июля 1915 г. управляющий БГО С. С. Постников подписал циркуляр, суливший пленным следующие блага: «Управление предлагает объявить военнопленным, что тем из них, которые проявят себя исправными, производительными рабочими, Общество гарантирует получение удерживаемой одной трети [зароботка] лично ими при отъезде по окончании войны на родину, а потому эта треть будет считаться по их личному счету. Кроме того, разрешается покупка таким пленным через администрацию отделов предметов первой необходимости при недостатке на то остальных двух третей [зароботка], также и за счет первой трети» [Там же, л. 33].

Указанной льготы лишались совершившие какие-либо проступки или проявившие «леность» пленные, которые в целях «перевоспитания» подлежали отправке на лесные работы в район рек Тоты и Каквы. Условия содержания здесь были суровыми, а питание скудным. Оно осуществлялось по нормам, установленным военным ведомством (2 фунта хлеба, 24 золотника крупы, 1 фунта мяса и т. д. в день), но полагалось лишь тем, кто это пропитание заработал. Проблема, однако, состояла в том, что число тех, кого следовало бы сослать на Тоту и Какву, превосходило все мыслимые и немыслимые пределы. Выход был найден незамедлительно: во всех отделах округа «нерадивым» пленным стали выдавать уменьшенный паек, причем мера эта рассматривалась как целесообразная «только при усиленном надзоре и полной изоляции плохо ра-

ботающих от исправных» [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 6]. Если в течение недели производительность труда пленного не увеличивалась, его переводили на хлеб и воду. Очевидно, что здравого смысла в этом решении было немного, поскольку ждать от полуголодных людей трудовых подвигов просто наивно. Администрация же БГО, свято верившая в возможность повышения результативности труда пленными, продолжала проявлять изобретательность.

Весной 1916 г. главное лесничество округа признало необходимым прикрепить к каждому 100 военнопленным особого пилоправа с окладом 30 рублей в месяц. Осенью 1916 г., помимо пилоправов, в лесничествах «завели» еще и специальных «указателей по рубке», избравшихся из опытных и надежных зырян: «... Для Надеждинского лесничества — 4-х человек, Морозковского — 2-х, Филькинского — 1-го, Марсятского — 2-х, Турьинского — 2-х, Петропавловского — 2-х, Богословского — 2-х, всего — 15 человек ... Считая, что при добром желании и энергии возможно рубку дров пленными упорядочить в 1,5 месяца, эти “указатели по рубке” назначаются с запасом на два месяца... Теперь лесничества могут упорядочить работу пленными, и Главное лесничество имеет право ожидать в ближайшее время повышения нормы рубки и уменьшения долгов за пленными» [Там же, д. 234, л. 8–9].

«Леность» и «нерадивость» пленных, чей труд согласно введенным в действие 17 марта 1917 г. Правилам об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях надлежало оплачивать на тех же условиях, что и труд местных рабочих (ст. 9), ожидаемо вызвали неудовольствие последних. 18 июня 1915 г. уже упомянутый заведующий доменным цехом Надеждинского завода сообщил директору завода барону Е. А. Таубе: «За последнее время среди рассчитывающихся рабочих очень большой процент составляют старые, опытные рабочие, которые свой уход из доменного цеха мотивируют... совместной работой с военнопленными. До вчерашнего дня этих жалоб не поступало; вчера же впервые начали заявлять свое нежелание работать на одинаковых с пленными условиях, так как пленные работают во много раз медленнее, и поэтому нашим рабочим приходится заменять их своим трудом» [Там же, д. 245, л. 207]. В конечном итоге от оплаты труда вражеских военнослужащих по «нормальной табели» отказались практически все предприятия округа, ввиду того, что такой порядок был бы несправедлив по отношению к «своим» рабочим, поскольку они, в отличие от пленных, тратят свой заработок не только на себя, но и содержат свои семьи [Там же, д. 1041, л. 1]. Это было одновременно и верно, и неверно, поскольку местные рабочие, действительно тратившие свой заработок на себя и свои семьи, распоряжались им по собственному усмотрению, тогда как пленные такой привилегии были лишены и едва ли понимали хоть что-то в бухгалтерии, связанной с оплатой их скромного труда и затратами на их не менее скромное содержание (см. табл. 2).

Негласный отказ от официально провозглашенных принципов оплаты произведенных пленными работ стал одним из главных факторов, сводивших на нет все попытки окружной администрации повысить производительность подневольного труда. Но занижение тарифных ставок имело своим закономерным последствием не только «нищенский оклад заработка» пленных. Кроме того,

Таблица 2

Содержание и заработок военнопленных на предприятиях Богословского горного округа за декабрь 1915 г.*

Отдел округа	Число пленных, чел.	Общая сумма выработки, р.	Общие затраты на содержание и обеспечение пленных, р.	В т. ч. выдано припасов и разного удержания, р.	В т. ч. выдано пленным на руки, р.	Долг пленных на 1 декабря 1915 г., р.	Долг пленных на 1 января 1916 г., р.
Богословская каменоломня	30	2328,17	2981,79	2260,99	720,8	580,52	791,14
Самский железный рудник	185	2804,62	3829,04	3138,64	690,40	3469,2	4311,53
Экспедиция БГО	65	1685,75	2577,65	2343,65	234,0	1412,65	2304,55
Богословский медеплавильный завод	112	1959,47	3178,7	2759,06	419,64	7735,84	8949,94
Покровский железный рудник	159	2599,99	3244,68	3179,68	65,0	1923,77	2581,80
Ауэрбаховский железный рудник	522	7222,94	8474,32	7558,3	916,02	7475,88	8185,53
Никитинский медный рудник	49	968,81	1004,28	933,78	70,50	2421,72	2457,19
Богословский медный рудник	79	1858,62	1588,96	1328,66	260,30	1531,25	1334,38
Флоровский медный рудник	55	1121,13	1263,89	1138,59	125,30	2365,23	2509,99
Васильевский медный рудник	86	1549,09	2128,85	1949,90	178,95	3716,73	4199,78
Воронцовский железный рудник	453	3966,23	5579,46	5262,56	316,90	9242,53	8088,16
Богословская каменноугольная копь	369	8790,16	8471,08	7295,28	1175,80	8652,03	8382,0
Центральный магазин БГО	22	496,87	830,33	738,93	91,40	578,10	911,56
Химический завод	16	455,51	483,93	432,73	51,20	217,84	249,70
<i>Итого</i>	<i>2202</i>	<i>37807,36</i>	<i>45636,96</i>	<i>40320,75</i>	<i>5316,21</i>	<i>51323,29</i>	<i>55257,25</i>

* *Источник:* [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 997, л. 22 об. — 32, 101 об. — 121, 209 об. — 213, 214 об. — 230, 313 об. — 329, 444 об. — 498, 719—724, 731—795, 799—854, 935—939, 960 об. — 966].

Таблица 3

Содержание и заработок военнопленных на предприятиях Богословского горного округа за декабрь 1916 г.*

Отдел округа	Число пленных, чел.	Общий заработок, р.	Общие затраты на содержание и обеспечение пленных, р.	В т. ч. выдано припасов и разного удержания, р.	В т. ч. выдано пленным на руки, р.	Долг пленных на 1 декабря 1916 г., р.	Долг пленных на 1 января 1917 г., р.
Богословская каменноугольная копь	643	19255,07	19073,32	10688,32	8385	8408,03	8539,33
Масловская выемка	109	1507,46	1896,09	1884,09	12,0	1245,98	1686,74
Разведочный цех	19	450,84	473,71	371,71	102,0	97,16	93,68
Богословский медеплавильный завод	155	4919,71	4103,49	2694,2	1409,29	4270,29	3618,50
Васильевский медный рудник	158	3848,16	3890,55	2736,5	1154,05	5822,64	5843,61
Богословская каменоломня	90	2023,11	2832,37	2703,37	129,0	2830,23	2949,13
Никитинский медный рудник	77	1562,22	1577,53	1389,18	188,35	6275,51	6273,20
Самский железный рудник	508	8263,6	10976,3	9233,3	1743,0	24734,37	27621,19
Центральный магазин БГО	117	3178,0	3221,28	2329,68	891,6	2884,41	2739,02
Химический завод	35	3178,98	3453,21	1812,28	1640,93	492,74	540,05
<i>Итого</i>	<i>1911</i>	<i>48187,15</i>	<i>51497,85</i>	<i>35842,63</i>	<i>15655,22</i>	<i>57061,36</i>	<i>59904,45</i>

* *Источник:* [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 1098, л. 44–144, 147–158, 164 об. – 167, 207–223, 240–253, 258 об. – 269, 271–279, 280–336, 350–369, 400 об. – 410].

баланс между суммой выработки, с одной стороны, и суммой, потраченной на содержание, обеспечение и поощрение вражеских военнопленных, с другой, был преимущественно отрицательным, что лишало пленный всякой надежды на избавление от долговой кабалы. Редкие же исключения из этого правила его скорее подтверждали, нежели опровергали (см. табл. 2 и 3). Выходило, что пленные, призванные обеспечить слаженное функционирование окружного хозяйства, приносили ему одни убытки. Однако так ли это было на самом деле? Точнее, до какой степени это было верно?

Характеризуя труд военнопленных как «в массе очень непродуктивный и обходящийся заводам много дороже труда прочих рабочих», управление Богословского горного округа, безусловно, не лукавило [ГАСО, ф. 111, оп. 1, д. 20, л. 31 об.]. Однако азарт, с которым окружное начальство «сражалось» за сохранение уже полученных и приобретение новых партий пленный иностранцев косвенно указывает на то, что посредством урезания их заработка и завышения производимых с них вычетов руководство округа все-таки исхитрилось заработать на вражеских военнопленных не только моральные проценты. И вся та бухгалтерия, которая воспроизводилась из одной ведомости в другую, если и отражала объективную реальность, то только в том смысле, что показывала нехитрый механизм, позволивший извлечь выгоду из бесперспективного в своей основе трудоустройства пленный иностранцев⁹.

Вместе с тем «лагеризация» окружного производства так и не дала ожидаемого экономического эффекта — сохранения стабильной динамики выпуска продукции. По данным Центрального военно-промышленного комитета, за 9 месяцев 1916 г. в Богословском горном округе было недовыплавлено свыше 2 млн пудов металла по сравнению с уровнем 1914 г. (почти 24 %), в то время как число занятых на предприятиях общества рабочих увеличилось на 26–27 % [см.: Там же, ф. 123, оп. 1, д. 3, л. 446]. Таким образом, пленные, принудительная интеграция которых в хозяйственную жизнь Богословского округа должна была иммунизировать местные институты от тенденций деградации, им, наоборот, способствовали, тем самым не только пассивно претерпевая историю, но и активно ее творя.

Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

Ведомость о количестве рабочих, занятых в горной промышленности Урала на 1-е октября 1916 г. // Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг., 1917.

⁹ Описанный механизм использовался не только в Богословском округе, о чем свидетельствует письмо Министерства труда и промышленности от 16 декабря 1916 г.: «...По имеющимся сведениям, некоторые промышленные предприятия расценивают труд работающих у них военнопленных ниже существующих цен, расходы же предприятия показывают в повышенном размере, в результате чего при расчете пленным не только не причитается чего-либо за производимые ими работы, но они оказываются в долгу у данного предприятия» [ГАСО, ф. 47, оп. 1, д. 1192, л. 96].

ГАСО. Ф. 24, 45, 47, 111, 123, 435.

Движение эпидемического персонала, командированного в уезды губернским земством // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии, 1916. № 5–6.

К положению военнопленных на Урале // Изв. Урал. обл. Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 10 апр.

Отобрание пленных // Зауральский край. 1917. 5 февр.

Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 58–62 чрезвычайных сессий и 47 очередной сессии 1916–1917 гг. Пермь, 1917.

Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront, 1914–1918 : Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt a/M, 2005.

Статья поступила в редакцию 31.03.2011 г.

УДК 67/68(470.5) + 338.24(470.5)

С. В. Горшков

КАПИТАЛЬНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ В ЛЕГКУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В 1959–1965 гг.

На основе архивных материалов исследуются структура, удельный вес инвестиций в легкую промышленность региона в 1959–1965 гг., в том числе в отраслевом и территориальном разрезах, а также процесс их освоения. Показана неоднозначная роль местных органов власти в развитии легкой индустрии края в годы семилетки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал; легкая промышленность; капитальные вложения; средства; местные органы власти.

Экономическая политика КПСС, направленная на преимущественный рост отраслей промышленности группы А за счет сельского хозяйства и отраслей группы Б, вызывала в условиях Урала — региона, исторически сложившегося как форпост тяжелой индустрии страны, неизбежный процесс дальнейшего «утяжеления» структуры народного хозяйства.

В конце 50-х гг. XX в. в экономике Уральского экономического района сложилась противоречивая обстановка. Незначительный удельный вес легкой и пищевой промышленности в народном хозяйстве края порождал постоянную нехватку товаров народного потребления и продуктов питания. В условиях административно-распределительной экономики это, с одной стороны, ставило Урал в зависимость от ввоза товаров народного потребления из других регионов страны; с другой стороны — усиливало зависимость местных органов от центральных, занимавшихся распределением фондов, лимитов и т. д. Кроме того, в годы семилетки (1959–1965) в регионе отчетливо проявился новый дестабилизирующий социально-политический фактор, связанный с ростом социальной напряженности в связи с дефицитом товаров и продовольствия, а также с наличием избытка трудовых ресурсов в виде скрытой формы безработицы, по преимуществу женщин и подростков, в малых и средних городах края.